

В. А. СУРОВЦЕВ

Что же желал знать Георг IV?

I.

В среде современной аналитической философии король Великобритании Георг IV был бы вряд ли достаточно известен, поскольку не интересовался проблемами интерпретации языковых выражений. В широких кругах он в большей степени был знаменит коллизиями в личной жизни, но философы-аналитики редко интересуются историческими фактами. Вряд ли в этой среде был бы широко известен и Вальтер Скотт, известный английский писатель XIX в. Свой первый исторический роман «Уэверли» Вальтер Скотт опубликовал анонимно в 1814 г. и ещё долго, вплоть до 1827 г., все последующие книги подписывал «Сочинение автора *Уэверли*». Впоследствии эти книги получили общее название «Уэверлиевские романы». Вальтер Скотт не раскрывал своё авторство, и хотя многие догадывались, что это он, перед современниками всё равно стоял вопрос: кто же написал все эти книги? Георг IV был начитан и, судя по всему, интересовался современным ему литературным процессом. Как сообщают источники, однажды на приеме он спросил: «Кто же написал Уэверлиевские романы?» Причём спросил в присутствии автора, имея в виду именно его. Автор от авторства отказался.

Вся эта история для философов-аналитиков не значила бы ровно ничего, если бы не Бертран Рассел. В своей известной статье «Об обозначении», которую, к примеру, С. Крипке характеризует как «самую знаменитую статью, написанную в первой половине двадцатого века»*, Рассел ставит вопрос о том, как следует интерпретировать высказывание, описывающее изложенную выше ситуацию: «Георг IV желал знать, является ли Скотт автором *Уэверли*»**.

* Kripke S. Russell's Notion of Scope // Mind, 2005. Vol. 114, № 456. P. 1005.

** Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 13.

При всей простоте вопроса интерпретация этой фразы порождает ряд затруднений. Что же желал знать Георг IV?

Желал ли он знать, являются ли Вальтер Скотт и автор *Уэверли* одним и тем же лицом? Ответ, очевидно, — да. Однако если мы считаем, что выражения «Скотт» и «автор *Уэверли*» относятся к одному и тому же лицу, т. е. вопрос касается тождественности значений двух выражений, тогда получается, что Георга IV просто заинтересовал частный случай проблемы тождества. Как говорит Рассел: «Скотт на самом деле был автором *Уэверли*. Следовательно, мы можем подставить *Скотт* вместо “автор *Уэверли*” и посредством этого доказать, что Георг IV желал знать, является ли *Скотт Скоттом*»*. Подобный подход очевидно абсурден, поскольку, каким бы ни был король Георг IV, «интерес к закону тождества вряд ли может быть приписан первому джентльмену Европы»**. Этот пример демонстрирует явное различие в том, что выражают два высказывания: «Скотт является автором *Уэверли*» и «Скотт является Скоттом». Если в истинности первого из них был заинтересован Георг IV, то истинность второго едва ли кто подвергает сомнению. В любом случае вряд ли, задавая свой вопрос, Георг IV сомневался в собственной логической компетенции.

К поставленной Расселом проблеме приводит один неявно принимаемый принцип и одно так же не явно принимаемое допущение. Принцип касается композициональности значения и говорит о том, что значение сложного выражения зависит только от значения его конститuent. Другими словами, если однозначно заданы значения исходных выражений, то однозначно определено значение выражения, построенного из исходных. С точки зрения Рассела, прямое применение этого принципа как раз и приводит к указанной выше коллизии, но только в том случае, если мы исходим из допущения, что выражения «Скотт» и «автор *Уэверли*» обозначают одно и то же. Но являются ли эти два указания на предполагаемое ими одно и то же лицо одинаковыми? Ответ, очевидно, — нет, поскольку выражения «Скотт» и «автор *Уэверли*» специфицируют это лицо по-разному. Второе выражение содержит нечто такое, чего явно нет в первом. Информативность выражения «Скотт» и информативность выражения «автор *Уэверли*» различны.

Согласно Расселу, речь в данном случае должна идти не о равенстве выражений, вроде «Скотт» и «автор *Уэверли*», и не о тождественности лиц, на которых эти фразы указывают. Дело в том, что сами эти фразы должны толковаться различными способами. Они по-разному соотносятся со своим значением. Имя «Скотт» непо-

* Там же. С. 13.

** Там же.

средственно указывает на своё значение, тогда как «автор *Уэверли*» относится к разряду сингулярных обозначающих или дескриптивных фраз, в которых объект специфицируется косвенно, через демонстрацию присущего ему свойства. Отличительной особенностью дескриптивных фраз является то, что их употребление не предполагает предъявления какого-то конкретного объекта, но раскрывается в контексте более комплексного выражения, когда нечто утверждается о том, что задано через описание.

Рассел считает, что сингулярная обозначающая фраза, «в отличие от большинства одиночных слов, не имеет какого-либо собственного значения. Если я говорю: “Скотт — человек”, это высказывание имеет форму “ x — человек”, и его субъектом является “Скотт”. Но если я говорю: “автор *Уэверли* — человек”, это не является высказыванием формы “ x — человек” и не имеет “автор *Уэверли*” в качестве субъекта»*. Дело в том, что обозначающие или дескриптивные фразы, вроде «автор *Уэверли*», в отличие от имён, вроде «Скотт», содержат переменную, значение которой специфицируется указанными при описании свойствами. В этом случае выражение «автор *Уэверли*» должно прочитываться не как указание на конкретный объект, а как описание вида «автор *Уэверли* (x)», где переменная x принимает единственное значение (множественность значений исключается уникальностью описания, и это можно выразить так: «тот единственный x , который имеет свойство быть автором *Уэверли*»)** . Поэтому, согласно Расселу, «мы можем вместо “автор *Уэверли* — человек” подставить следующее: “Одна и только одна сущность написала *Уэверли*, и эта сущность — человек»***. В общем случае, когда в качестве субъекта языкового выражения выступает сингулярная обозначающая фраза вроде предыдущей, то, если мы хотим сказать, что «автор *Уэверли* имеет свойство θ , тогда то, что мы хотим сказать, эквивалентно следующему: “Одна и только одна сущность написала *Уэверли*, и эта сущность обладает свойством θ »****.

Подобный подход, с точки зрения Рассела, решает вопрос о любопытстве Георга IV. Действительно, при таком анализе два высказывания: «Скотт является автором *Уэверли*» и «Скотт является Скоттом» говорят не об одном и том же: «Головоломка с любопытством Георга IV, как кажется, имеет очень простое решение. Пропозиция “Скотт — автор *Уэверли*”, записанная в своей несокращённой фор-

* Там же. С. 17.

** В английском языке данная характеристика сингулярных дескриптивных фраз выражается определённым артиклем «the», т. е. «автор *Уэверли*» — это «the author of *Waverley*».

*** Там же. С. 17.

**** Там же. С. 17.

ме, не содержит никакой конститuentы «автор Уэверли», вместо которой можно было бы подставить «Скотт»^{*}. Если что-то и хотел знать Георг IV, то это, с точки зрения Рассела, касается значения переменной, входящей в обозначающую фразу «автор Уэверли (x)». А именно, король Георг IV желал знать, приведёт ли подстановка имени «Скотт» на место переменной x в «автор Уэверли (x)» к истинному высказыванию.

Таким образом, когда задаётся вопрос об интерпретации, казалось бы, простого интереса Георга IV:

(1) Георг IV желал знать, является ли Скотт автором Уэверли,

проблема решается особой трактовкой сингулярных обозначающих фраз. Частный случай закона тождества $a = a$, а именно:

(2) Скотт = Скотт,

в котором не был заинтересован Георг IV, имеет другую структуру, нежели выражение с обозначающей фразой

(2') Скотт = автор Уэверли,

которая должна прочитываться следующим образом:

(3) Существует один и только один автор Уэверли, и им является Скотт,

что, используя общепринятые формальные обозначения, можно записать так:

(3') $\exists x$ (автор Уэверли (x) & $\forall y$ (автор Уэверли (y) $\supset x = y$) & $x =$ Скотт),

где первые два конъюнкта указывают на существование и единственность автора Уэверли, а третий — на то, что им является именно Скотт. Или, если для указания на единственность использовать знак '!', как это делает, например, С. Крипке, то (3), сокращая второй конъюнкт, можно записать так:

(3'') $\exists x$ (автор Уэверли! (x) & $x =$ Скотт).

^{*} Там же. С. 17.

Таким образом, при префиксном использовании фразы «Георг IV желал знать» относительно выражения (1), если использовать (3»), мы получаем следующее прочтение:

(1') Георг IV желал знать: $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x) & $x =$ Скотт)).

Подобное прочтение дескриптивной фразы «автор *Уэверли*» тем не менее не решает всей проблемы. Действительно, относительно выражений (2) и (3) демонстрируется различие в их логической структуре, а значит, и различие в возможной интерпретации интереса Георга IV, что решает первоначальную проблему, так как вопрос Георга IV уже понимается не так, что он интересуется частным случаем проблемы тождества.

Однако относительно интерпретации выражения (1), которое описывает общую ситуацию, двусмысленность сохраняется. Связано это с тем, что Рассел называет «первичным и вторичным вхождением» обозначающей фразы, подразумевающей указание на существование и единственность. Относительно выражения (1) Рассел утверждает: «Когда мы говорим: Георг IV желал знать, является ли Скотт автором *Уэверли*, мы, естественно, подразумеваем Георг IV желал знать, один и только ли один человек написал *Уэверли* и был ли этим человеком Скотт; но мы можем также подразумевать: “Один и только один человек написал *Уэверли*, и Георг IV желал знать, был ли Скотт этим человеком”. В последнем случае “автор *Уэверли*” имеет первичное вхождение; в первом — вторичное»*. В этом случае выражение (1') должно прочитываться только как одно из возможных прочтений, а именно, прочтение, предполагающее вторичное вхождение определённой дескрипции. Если вновь использовать (3»), то различие между первичным и вторичным вхождением обозначающей фразы в (1), при использовании того же выражения Георг IV желал знать' в соответствующем месте, то первичное вхождение будет выглядеть так:

(1'') $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x) & Георг IV желал знать: ($x =$ Скотт)).

Первичность и вторичность вхождения сингулярной дескриптивной фразы здесь определяется только тем, относительно чего высказываются сомнения. Если сомнения, помимо конкретного лица, касаются в том числе существования и единственности автора *Уэверли*, то Георга IV интересовала ситуация, которая описывается с использованием вторичного вхождения дескриптивной фразы «автор *Уэверли*»

* Там же. С. 18.

ли», если же существование и единственность автора *Уэверли* не ставились под вопрос, но сомнения возникали только относительно того, кто он, то соответствующая фраза имеет первичное вхождение.

Эти сомнения имеют различный характер и следствия, поскольку для Рассела проблемы, касающиеся интенциональных контекстов, вроде желания Георга IV, решаются только в том случае, если мы интерпретируем (1) как предложение, где сингулярная обозначающая фраза имеет первичное вхождение. Как говорит Рассел: «Ущерб истинности выводов, получающихся вербальной подстановкой “Скотт” вместо “автор *Уэверли*”, не наносится при условии, что “автор *Уэверли*” имеет то, что я называю первичным вхождением»*.

Между тем при всей привлекательности анализа, предложенного Расселом, остаётся вопрос, можно ли представить такую интерпретацию интенциональных контекстов с сингулярными обозначающими фразами, где интересные результаты были бы связаны именно с вторичным вхождением? И как при этом изменилась бы сама трактовка таких сингулярных обозначающих фраз?

II.

Для начала несколько изменим расселовскую интерпретацию (1), которая приводила к сомнению Георга IV в частном случае закона тождества. Как было указано выше, подобного рода трансформация происходит, согласно Расселу, если мы уподобляем функционирование сингулярных обозначающих фраз или определённых дескрипций именам. Тогда, поскольку Скотт действительно был автором *Уэверли*, то мы и получаем сомнения Георга IV в законе тождества (2). Но посмотрим на это несколько по-другому. Поскольку у нас действительно есть проблемы с вербальным выражением тождества, а автор *Уэверли* и Скотт на самом деле являются одним и тем же лицом, то почему бы не приписать Георгу IV сомнение не в тождестве (2), а в тождестве

(2'') автор *Уэверли* = автор *Уэверли*.

Имеет ли смысл подобное изменение, и не даёт ли оно чего-то нового в понимании определённых дескрипций? На наш взгляд, подобное изменение имеет смысл, и желание знать, является ли (2'') истинным, действительно может быть приписано «первому джентльмену Европы» без того, чтобы сомневаться в его логической компетенции. Попробуем разобраться, в чём здесь дело.

* Там же. С. 17.

Начнём с того, что применим к анализу (2») предложенный Расселом подход. В результате по аналогии с (3») получается выражение вроде следующего:

(4) $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x) & $x = x$).

Данное выражение говорит о том, что есть некоторый уникальный предмет, который обладает свойством «быть автором *Уэверли!*», и этот предмет тождествен самому себе. Подобный перевод соответствует взгляду Рассела на определённые дескрипции, поскольку (4) оказывается ложным, если такого предмета не существует или их более одного. Это вполне согласуется и с общим подходом Рассела, который считает, что истинные утверждения можно высказать только о существующих предметах, а все высказывания о несуществующих предметах являются ложными. Теперь, воспользовавшись идеей Рассела о том, что первичное вхождение сингулярных обозначающих фраз в интенциональный контекст даёт основание для адекватной интерпретации вопроса Георга IV, получим следующее выражение:

(4') $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x) & Георг IV желал знать: ($x = x$)).

И что же мы видим? Интерпретация, основанная на преимуществах первичного вхождения сингулярных обозначающих фраз, опять-таки приводит к сомнениям в логической компетенции Георга IV. Получается, что Георг IV относительно предмета, обладающего свойством «быть автором *Уэверли!*», сомневается, что он тождествен самому себе. Подобная интерпретация явно не согласуется со здравым смыслом и, очевидно, нелепа.

Возможное возражение на такую интерпретацию (2») и, следовательно, на зависящий от неё переход к (4') может быть связано с тем, что в данном случае неверно понято функционирование сингулярных обозначающих фраз в подобных контекстах. Действительно, (2») может быть проинтерпретировано по-другому. Вернёмся к примеру, приводимому Расселом (см. выше цитату из его статьи) для иллюстрации отличий в функционировании сингулярных обозначающих фраз:

(5) Автор *Уэверли!* — человек.

В данном случае предмету, обозначенному определённой дескрипцией, приписывается некоторое свойство. Это, в полном соответствии с подходом Рассела, может быть записано так:

(5') $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x) & человек (x)).

Если же мы воспользуемся такой интерпретацией интенционального контекста, который предполагает первичное вхождение, то он не вызывает никаких нареканий. Действительно, следующее предложение вполне соответствует общим установкам Рассела:

(6) Эх (автор *Уэверли!* (x) & Георг IV желал знать: человек (x)).

Хотя в эпоху Георга IV подобная фраза могла бы показаться абсурдной, в наше время относительно многих произведений можно сомневаться, написал ли их человек или же они сгенерированы компьютерной программой. Таким образом, в подобном случае мы могли бы сказать, что «Один и только один автор написал *Уэверли*, и Георг IV желал знать, был ли этот автор человеком».

Здесь возникает возможность структурной аналогии. Вхождение в (6) предиката «человек (x)» можно уподобить вхождению в предложение определённой дескрипции, поскольку в обоих случаях речь идёт об области пробега переменной x . Разница только в том, что в случае предиката, для того чтобы выполнить этот предикат, предполагается, что переменная может принимать разные значения, а в случае определённой дескрипции — только одно. Если мы всё-таки принимаем такую аналогию, то подстановка определённой дескрипции «автор *Уэверли!* (x)» в (6) вместо предиката «человек (x)» даёт следующее выражение:

(6') Эх (автор *Уэверли!* (x) & Георг IV желал знать: автор *Уэверли!* (x)).

Это выражение должно пониматься, видимо, в том смысле, что «Один и только один некто написал *Уэверли*, и Георг IV желал знать, был ли этот один и только один некто, который действительно написал *Уэверли*, автором *Уэверли*». Подобная интерпретация вполне допустима, хотя и кажется нелепой в не меньшей степени, нежели (4'), поскольку предполагает, что существует какой-то конкретный автор, который написал *Уэверли*, и Георг IV сомневался, действительно ли тот самый конкретный автор, который существует, является автором *Уэверли*.

Однако здесь есть один нюанс, который вызывает трудно преодолимые затруднения для данной интерпретации. Уподобление выражения (6') выражению (6) возможно только в том случае, если мы уподобляем выражение (5'), из которого получено (6), следующему выражению:

(5'') Эх (автор *Уэверли!* (x) & автор *Уэверли!* (x)).

Выражение (5'') получено из (5') посредством точно такой же замены, которой (6') получено из (6). Более того, соотношение здесь, скорее всего, обратное. Возможность получения (6') из (6) основана на том, что переход от (5') к (5'') уже является сам собой разумеемым.

Деталь, которая не учитывается при данном переходе, а дьявол, как известно, скрывается в деталях, связана с тем, что (5'') в этом случае считается адекватной интерпретацией (2''). Тем не менее здесь можно высказать ряд возражений. Во-первых, предложение (2''), подобно предложению (2), выглядит как тавтология, т. е. при любых интерпретациях является истинным, даже в случае, если никакого автора *Уэверли* не существует или автор был не один. Но тавтологией отнюдь не выглядит (5''), которое представляет собой конъюнкцию двух одинаковых предложений. Конъюнкция же двух одинаковых предложений сводится к одному конъюнкту, поскольку прибавление одинаковых конъюнктов не добавляет никакой информации к исходному конъюнкту. В этом отношении (5'') логически тождественно выражению

(5'') $\exists x$ (автор *Уэверли!* (x)).

Но (5'') уже точно не является тавтологией при любом прочтении, поскольку ничего не говорит о тождестве некоторого определённого или какого-то произвольного предмета самому себе. В этом отношении скорее предпочтительнее (4), которое, однако, уже отвергнуто выше по другим основаниям.

Во-вторых, подобное уподобление определённых дескрипций предикатам в рамках концепции Рассела, конечно, имело бы смысл, если бы он сам не акцентировал внимание на особенном характере подобных выражений. По сути дела, его работа «Об обозначении» посвящена в большей степени не отличию сингулярных обозначающих фраз от собственно имён, которые в своей особой функции там вообще не упоминаются, но как раз таки отличию определённых дескрипций от предикатов. Фраза (5) и её объяснение в виде (5') служат для Рассела скорее объяснением различия в способе функционирования пропозициональных функций, каковыми являются предикаты вроде «человек (x)», и сингулярных обозначающих фраз, вроде «автор *Уэверли!* (x)». Об этом свидетельствует уже то, как должна осуществляться оценка истинностного значения высказываний, получающихся подстановкой значений вместо переменной x в первом и во втором случае. Действительно, подстановка Скотта на место переменной в «человек (x)» даёт нам истинное высказывание простой формы, где свойство просто приписывается предмету, тогда как ана-

логичная подстановка в «автор *Уэверли!* (x)» приводит к сложному конъюнктивному выражению с квантификацией.

Наконец, в-третьих, хотя Рассел использует пример с автором *Уэверли* прежде всего для демонстрации различия первичного и вторичного вхождения сингулярных обозначающих фраз, тем не менее важной остаётся проблема тождества, фигурирующего в интерпретации желания Георга IV нечто знать. Согласно Расселу, «за рамками книг по логике никто даже не стремится сказать “ x есть x ”, и тем не менее утверждения тождества часто высказываются в форме типа “Скотт был автором *Уэверли*” или “И ты — человеке”. Смысл таких пропозиций не может быть установлен без понятия тождества, хотя они не являются просто высказываниями о том, что Скотт тождествен другому элементу, автору *Уэверли*, или что ты тождествен другому элементу, определённом человеку. Сокращённое высказывание “Скотт есть автор *Уэверли*”, по-видимому, таково: “Скотт написал *Уэверли*; и всегда истинно для y , что если y написал *Уэверли*, то y тождествен Скотту”. Таким способом тождество входит в “Скотт есть автор *Уэверли*”; и благодаря такому употреблению утверждается ценность тождества»^{*}.

Но в (5'') нет явно присутствующего вопроса о тождестве. Явно присутствующего в том смысле, что он касался бы проблемы полуженя истинного высказывания при определённой интерпретации переменной. Конечно, фразу (5'') можно переписать в полной форме, устранив сокращения, следующим образом:

(5''') $\exists x ((\text{автор } Уэверли(x) \ \& \ \forall y (\text{автор } Уэверли(y) \supset x = y)) \ \& (\text{автор } Уэверли(x) \ \& \ \forall y (\text{автор } Уэверли(y) \supset x = y)))$.

В этом случае можно было бы сказать, что тождество встроено в структуру самой дескрипции, поскольку присутствует в конъюнктах, являющихся полным выражением дескриптивной фразы. Тогда и модифицированное выражение (6') при первичном вхождении определённой дескрипции будет выглядеть следующим образом:

(6'') $\exists x ((\text{автор } Уэверли(x) \ \& \ \forall y (\text{автор } Уэверли(y) \supset x = y)) \ \& \ \text{Георг IV желал знать: } (\text{автор } Уэверли(x) \ \& \ \forall y (\text{автор } Уэверли(y) \supset x = y)))$.

Но насколько это будет адекватно устремлениям самого Рассела? Для ответа на этот вопрос вернёмся к (3'). В (3') тождество входит два раза. В первом случае тождество используется для того, чтобы обеспечить единственность возможного значения переменной x ,

* Там же. С. 21.

во втором случае — для отождествления этого значения с конкретным лицом. В двух этих случаях функции тождества очевидно разные. Чтобы оттенить это различие более рельефно, рассмотрим пример экзистенциального обобщения (3’):

(3’’) $\exists x$ (автор *Уэверли* (x) & $\forall y$ (автор *Уэверли* (y) $\supset x = y$) & $\exists z$ ($x = z$)).

Ясно, что подстановка значений на место переменных в (3’’) по-разному сказывается на его истинностном значении. Выбор возможных значений для z приводит к варьированию истинностного значения, тогда как выбор значения для y никакого влияния на истинностное значение не оказывает. Это будет сохраняться и в том случае, если преобразовать (3’’) в интенциональный контекст, введя в него пропозициональную установку относительно желания Георга IV нечто знать, причём независимо от того, какое вхождение, первичное или вторичное, будет иметь обозначающая фраза. Роль, которую выполняет вхождение тождества, указывающего на единственность возможного значения переменной, не может заменить роль тождества, которое употребляется для отождествления значения в собственном смысле. В противном случае совершенно неясно, в каком смысле «утверждается ценность тождества».

III.

На наш взгляд, стремление придать (2’’) такую же интерпретацию, как и (5), основано на ошибочной аналогии, связанной с уподоблением предложения «Автор *Уэверли* есть автор *Уэверли*» предложениям, вроде «Автор *Уэверли* есть человек», когда присутствующая в них связка трактуется одним и тем же образом. Однако выраженное связкой «есть» тождество следует строго отличать от предикации, чему, несомненно, следует Б. Рассел. Если уж и говорить о проведении аналогий, то сравнивать «Автор *Уэверли* есть автор *Уэверли*» нужно не с предложением, где наряду с определённой дескрипцией присутствует предикат, но где фигурируют две сингулярные обозначающие фразы, например, как в случае «Автор *Уэверли* есть автор *Айвенго*». Здесь связка «есть» используется именно в виде тождества:

(2’’) автор *Уэверли* = автор *Айвенго*.

Как следует интерпретировать это тождество? Понимать это, видимо, нужно так: Справа и слева от тождества стоят определённые

дескрипции, которые подразумевают существование и единственность соответствующего им предмета, и утверждается, что в первом и во втором случае описывается один и тот же предмет. То есть если использовать принятые выше соглашения, (2'») должно интерпретироваться следующим образом:

(7) $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли!* (x) & автор *Айвенго!* (y) & $x = y$).

В (7) выполняются все условия, накладываемые Расселом на функционирование определённых дескрипций. Кроме того, если изменить пример функционирования интенционального контекста в том смысле, что Георг IV желал знать, является ли автор *Уэверли* автором *Айвенго*, то вопрос не сведётся к простой заинтересованности в частном случае закона тождества, поскольку при первичном вхождении определённых дескрипций получаем

(7') $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли!* (x) & автор *Айвенго!* (y) & Георг IV желал знать: ($x = y$)).

Однако прямому применению к (2'») интерпретации вроде (7) мешает одно обстоятельство. Прочтение (7') и (7'») имеет смысл только тогда, когда в них (учитывая, что область пробега переменных x и y здесь одинакова) предполагается возможное различие в том, при каких значениях переменных x и y будут выполняться соответствующие определённые дескрипции. Чего, однако, не произойдёт, если в (7') и (7'») автора *Айвенго* просто заменить на автора *Уэверли*. В этом случае мы опять вернёмся к (4) и (4'). Действительно, (7') и (7'») основаны на различии двух входящих в них определённых дескрипций.

Представляется, что возможный выход из сложившейся ситуации заключается в том, чтобы в каком-то смысле различить в (2'») сингулярные обозначающие фразы, стоящие по обе стороны от тождества. И такая возможность есть. Для этого следует обратиться к двухаспектной семантике, предложенной К. Доннеланом, который не просто отличает определённые дескрипции от других выражений, но, кроме того, относительно самих определённых дескрипций различает два способа их употребления: «Я буду называть два употребления определённых дескрипций, которые я имею в виду, *атрибутивным* и *референтным*. Говорящий, который использует определённую дескрипцию (в составе утверждения) *атрибутивно*, утверждает нечто относительно того объекта (или лица), который удовлетворяет данной дескрипции. С другой стороны, говорящий, который использует определённую дескрипцию (в составе утвержде-

ния) *референтно*, использует её для того, чтобы дать возможность слушателям выделить лицо или предмет, о котором идёт речь, а потом сообщить нечто про это лицо или предмет»^{*}.

Подход Доннелана позволяет различить два вхождения определённой дескрипции в одно и то же выражение, если предположить, что она используется в этих двух различных функциях: функции референции и функции атрибуции. Для различия этих функций обозначающую фразу 'автор *Уэверли*' можно снабдить индексами, фиксирующими её разную интерпретацию. Тогда (2'') будем записывать в следующем виде:

(2''') автор *Уэверли*₁ = автор *Уэверли*₂.

При такой интерпретации в (2'') речь идёт об отождествлении различных способов употребления определённой дескрипции. И это тождество можно было бы интерпретировать в том смысле, что человек, на которого ссылаются как на автора *Уэверли*, действительно является автором *Уэверли*. Если принять такое различие, то прочтение вроде (7) применимо к (2'') без того, чтобы приводить к нелепым выводам. В этом случае мы получаем

(7'') $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли*₁! (x) & автор *Уэверли*₂! (y) & $x = y$).

В этом случае вопрос Георга IV принимает совсем другое значение. Его можно понять в том смысле, что Георг IV желал знать, является ли человек, на которого он ссылается как на автора *Уэверли*, действительным автором *Уэверли*.

Однако такой подход не вполне согласуется с интерпретацией Рассела. И это касается различия первичного и вторичного вхождения определённой дескрипции. Действительно, первичное вхождение дескриптивных фраз в контекст

(7''') $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли*₁! (x) & автор *Уэверли*₂! (y) & Георг IV желал знать: ($x = y$))

приводит к тому, что при неверной референции первый конъюнкт оказывается ложным, а вместе с тем ложным оказывается и все высказывание. Пресуппозиция существования объекта референциальной употребляемой дескрипции, с точки зрения Доннелана, неверна. Идентифицировать объект, даже если он описывается неверно, воз-

^{*} Доннелан К. С. Референция и определённые дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 139.

можно, поскольку «при референтном употреблении определённой дескрипции можно вполне выделить лицо или предмет, о котором задан вопрос, хотя бы этот объект и не удовлетворял дескрипции»*. Действительно, Георг IV мог быть заинтересован в тождестве (2''') без того, чтобы правильно соотносить автора *Уэверли*₁ с автором *Уэверли*₂. Другими словами, обозначающая фраза «автор *Уэверли*₁» могла связываться Георгом IV с лицом, который никакого отношения не имеет к обозначающей фразе «автор *Уэверли*₂». Более того, именно возможность неправильного соотнесения и позволяет нетривиально интерпретировать его вопрос. Однако вопрос был, и (1), описывающее эту ситуацию, является истинным.

В этом случае смысл приобретает такое прочтение, где вхождение дескриптивных фраз вторично:

(28) Георг IV желал знать: $\exists x \exists y$ (автор *Уэверли*₁! (x) & автор *Уэверли*₂! (y) & ($x=y$)).

Таким образом, «вторичное вхождение дескриптивных фраз» может иметь важное значение при интерпретации интенциональных контекстов. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы рассмотреть прагматические, семантические и синтаксические аспекты этого различия.

* Там же. С. 142.